

8. Bahtin M. M. Rabelais's Work and the Problem of Medieval and Renaissance Folk Culture. *Sobranie sochinenij* : v 7 t. [Collected works : in 7 vols.]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2008. Vol. 4. Part 1. Pp. 517–604. (In Russ.)

Сведения об авторе

Норманская Анжела Викторовна, кандидат культурологии, доцент, заведующая кафедрой философии, культурологии и межкультурных коммуникаций ГБОУ ВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма» (Россия, Республика Крым, 295017, г. Симферополь, ул. Киевская, 39)

Information about the author

Anzhela V. Normanskaya, Candidate of Culturology, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Interlanguage Communications, Crimean University of Culture, Arts and Tourism (39, Kievskaya str., Simferopol, 295017, Republic of Crimea, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.06.2026

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 28.06.2026

Принята к публикации / Accepted for publication 01.07.2026

Научная статья / Article

УДК 271.2-86

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-3-116>

**Дом Гуттуевых как место памяти русского
старообрядчества первой половины — середины XVIII в.
в культурном пространстве Петербурга**

Владимир Владимирович Петранкин

Санкт-Петербургский государственный институт культуры (СПбГИК),

Санкт-Петербург, Россия

haar@inbox.ru, SPIN-код: 6351-6287

<https://orcid.org/0009-0009-6851-8459>

Аннотация. *Статья посвящена вопросу выявления топографических следов присутствия старообрядцев в первой половине — середине XVIII столетия в культурном пространстве Петербурга на примере*

дома семьи купцов Гуттуевых у Сенной площади. Целью исследования является выделение локуса, в котором располагалась моленная Гуттуевых, как места памяти «старообрядческого Петербурга». Приводится обзор исторического контекста деятельности старообрядцев в Петербурге в первой половине XVIII столетия, а также доступные сведения о роде Гуттуевых и их связях с историей петербургского старообрядчества. Теоретико-методологической основой исследования является концепция французского историка Пьера Нора «Места памяти» (*Lieux de mémoire*). Помимо этого используются специфические краеведческие методы идентификации и верификации. Основным результатом исследования является выявление нелокализованного пока «дома Гуттуевых» поблизости от современной Сенной площади в качестве общестарообрядческого места памяти, что, с одной стороны, позволяет полнее очертить портрет культурного пространства мещанско-купеческого Петербурга первой половины — середины XVIII в., а с другой — скорректировать наши представления о взаимоотношениях поморской и поповской фракций старообрядческого движения в указанную эпоху. Представленный в статье материал и сделанные на его основе выводы могут использоваться для продолжения изучения топографических форм мест памяти старообрядческого Петербурга и составления антологии подобных локусов в будущем. Следующим шагом в продолжении исследований, результаты которых в условиях непрерывного роста интереса к истории культуры Санкт-Петербурга не только научно, но и общественно значимы, должна стать точная локализация дома Гуттуевых на карте Петербурга.

Ключевые слова: Гуттуевы, старообрядчество, поморцы, беглопоповцы, Выг, Петербург, места памяти, локусы

Для цитирования: Петранкин В. В. Дом Гуттуевых как место памяти русского старообрядчества первой половины — середины XVIII в. в культурном пространстве Петербурга // Человек. Культура. Образование. 2026. № 3. С. 116–138. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-3-116>

The Guttuyev House as a *Lieu de Mémoire* of the Russian Old Believers in the First Half-Mid-18th Century in the Cultural Space of St. Petersburg

Vladimir V. Petrankin

St. Petesburg State Institute of Culture (SPbGIK), St. Petersburg, Russia
haar@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6851-8459>

Abstract. *The article highlights an issue of identifying traces of the presence of Old Believers in the first half-mid-18th century in the cultural space of St. Petersburg on the example of the Guttuyevs merchant family house near Sennaya Square. The purpose hereof is to identify the locus where the Guttuyev Prayer House was located as a lieu de mémoire of 'Old Believer St Petersburg'. An overview of the historical context of the activities of the Old Believers in St. Petersburg in the first half of the 18th century is provided together with available information about the Guttuyevs family and their relation to the history of the St. Petersburg Old Believers. The theoretical and methodological basis of the study is the concept of Lieux de mémoire ('places of memory') by the French historian Pierre Nora. Other than that, specific local lore methods of identification and verification are used. The main result of the study is identification of the Guttuyev House in the area close to modern Sennaya Square as a common Old Believer (common to both the priestless and priestly branches of the Old Believer movement) place of memory in the cultural history of St. Petersburg, which, on the one hand, allows us to more fully outline the portrait of the cultural space of the merchant-bourgeois St. Petersburg in the first half-mid-18th century, and on the other, it adjusts our understanding of the relationship between Pomortsi and Beglopovtshi factions of the Old Believer movement. The material presented in the article and conclusions drawn therefrom can be used to continue studying the topographic forms of lieux de mémoire in the Old Believer St. Petersburg with compiling an anthology of such loci in the future. Next step in continuing the research, results of which, in the context of continuously growing interest in the cultural history of St. Petersburg, are not only scientifically but also socially significant, should be a precise identification of the Guttuyev House on the map of St. Petersburg.*

Keywords: *the Guttuyevs, Old Belief, Pomortsi, Beglopovtshi, Vyg, St. Petersburg, lieux de mémoire, loci*

For citation: Petrankin V. V. The Guttuyev House as a *Lieu de Mémoire* of the Russian Old Believers in the First Half-Mid-18th Century in the Cultural Space of St. Petersburg. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2026; 3: 116–138. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-3-116>

Введение. В фокусе внимания данной статьи — топографический аспект истории петербургского старообрядчества в самой загадочной, нелегальной или даже подпольной фазе своего существования — первой половине и середине XVIII в., т. е. до либерализации, начатой при Петре III и завершённой при Екатерине II. История культуры Петербурга этого периода извест-

на нам преимущественно своим парадным фасадом, в то время как повседневная и уж тем более духовная жизнь городских низов — значительно хуже.

Целью статьи является выявление топографических форм мест памяти петербургского старообрядчества первой половины XVIII столетия в привязке к существующему культурному ландшафту Петербурга на примере сыгравшей заметную роль в истории старообрядчества семьи олонечких карел Гуттуевых. Вопрос о значимости изучения культурного пространства как своеобразного «подсчета» нашего национального достояния был впервые поставлен С. Н. Иконниковой, отмечавшей, что «общая карта морфологии культурного пространства России пока не составлена» [1, с. 41].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью заполнения лакуны, связанной с местом и ролью петербургского старообрядчества в истории культуры раннего Петербурга. Значимость проведенной работы определяется ее первопроходческим характером в условиях фактического отсутствия исследований по топографии и местам памяти старообрядцев раннего Петербурга.

Действительно, данная тематика практически не привлекала внимания ученых. Более того, сама тема старообрядческого Петербурга возникла, несмотря на обилие дореволюционных материалов, в историко-культурологическом дискурсе только в 1990-е гг. Первой, кто поставил проблему изучения старообрядческого Петербурга в своем докладе в ходе первых слушаний Института Петербурга в 1994 г., была петербурговед С. Д. Копылова, указавшая на отсутствие генерализующих работ по истории петербургского старообрядчества [2]. С тех пор было предпринято несколько попыток создания такого обобщающего труда: с учетом интересующего нас периода такой работой стала монография Е. А. Каменевой «Петербургские старообрядцы в XVIII — первой половине XIX века» (2013) [3], которая, хотя выделение топографического аспекта и не вошло в число ее задач, по сей день не имеет равных по количеству привлеченных источников и широте обзора.

А. Н. Старицын в статье «Шведские староверы» (2014) [4] осветил предысторию петербургского старообрядчества до основания города. К. Я. Кожурин в статьях «Староверы-поморцы

Санкт-Петербурга» (2008) [5] и «Из истории федосеевского согласия в Петербурге» (2019) [6] и М. В. Шкаровский в очерке «Петербургские старообрядцы, не имеющие священства, в 1720–1941 гг.» (2021) [7] актуализировали сведения по истории петербургских старообрядцев-беспоповцев в XVIII в., собранные дореволюционными исследователями, не акцентируя, правда, внимания на топографическом аспекте.

Связи петербургских старообрядцев XVIII в. с **Выгом** прослеживаются в трудах Ю. М. Юхименко [8] и статье А. В. Пигина [9]. Пожалуй, ближе всего к тематике памяти (в том числе запечатленной в топографии) подошла в своих исследованиях культуры петербургского старообрядчества ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея Н. В. Пивоварова. Ею на базе Русского музея были организованы две большие выставки: «Образы и символы старой веры» (2008), и «Древлехранилище памятников иконописи и церковной старины» (2014), посвященные старообрядческим иконам, многие из которых являются единственными осязаемыми памятниками исчезнувших старообрядческих обителей и моленных Петербурга. Результаты многолетней исследовательской деятельности Н. В. Пивоваровой сведены воедино в вышедшей в 2014 г. монографии «Памятники церковной старины в Петербурге-Петрограде-Ленинграде. Из истории формирования музейных коллекций: 1850–1930-е годы» [10]. Истории упоминаемой в настоящей работе моленной Долгова посвящена статья «Пиккиева моленная в Петербурге: страницы истории» [11]. Однако рассматриваемые в трудах Н. В. Пивоваровой старообрядческие локусы возникли преимущественно во второй половине XVIII в., в то время как нас в рамках настоящего исследования интересует более ранний период, изучение которого, по нашему мнению, связано со следующей проблемой: несмотря на обилие документальных материалов по истории культуры Петербурга, значительную трудность представляет их идентификация или интерпретация как относящихся к старообрядцам.

В этой связи в целях выявления трудноуловимого вклада старообрядцев в формирование культурного пространства раннего Петербурга представляется продуктивным обращение к методологии концепции мест памяти французского историка Пьера Нора. Такой подход к истории старообрядчества в куль-

туре Петербурга ранее в отечественной культурологии не применялся. Под термином «место памяти» мы будем понимать то, как его интерпретировал сам создатель термина Пьер Нора: это не только локусы (собственно места), но и личности, а также зафиксированные в материальных или нематериальных символах смыслы и ценности [12, с. 47–48, 67–70, 79] — **иными словами** все то, что формирует культурное пространство любого города. При этом именно топографические формы мест памяти наиболее рельефно очерчивают культурный ландшафт города, формируя его неповторимый стиль и акцент.

Документальной базой для исследования послужили материалы из фондов Российского государственного исторического архива: хранящиеся в фонде рукописей Синода заметки протоиерея С. С. Топальского по историко-топографическому описанию Петербурга¹, личный архив чиновника по особым поручениям МВД Российской империи Ф. И. Кельчевского², а также материалы архива департамента общих дел МВД Российской империи³.

Методы исследования, теоретическая база. Теоретической основой исследования является методология концепции мест памяти Пьера Нора. Используемые в ходе написания статьи методы исследования включают в себя как общеисторические (историко-описательный, историко-сравнительный, проблемно-хронологический и т. п.), так и специфически краеведческие методы идентификации и верификации местонахождения старообрядческих локусов.

Результаты исследования и их обсуждение. Основным результатом исследования нужно считать выявление единственного достоверно известного общестарообрядческого места памяти в истории культуры Петербурга первой половины — середины XVIII столетия: **дома Гуттуевых в квартале между Сенной площадью, Спасским переулком (Гороховой улицей) и переулком Гривцова.** К сожалению, на данный момент точная локализация участка Гуттуевых (с последующей достоверной его ве-

¹ Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 834. Оп. 4. Д. 750.

² РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1.

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 204. Д. 971.

рификацией) не осуществлена: для этого потребуются дополнительные исследования с привлечением новых архивных материалов.

Основание Петербурга (1703) совпало с периодом становления старообрядческой традиции не только хронологически, но и географически, поскольку Северо-Запад России к тому моменту уже представлял собой один из основных регионов ее формирования. Своей географией и значением в государстве Петербургу было суждено стать еще одним центром старообрядчества в регионе, подобно Выгу, Новгороду, Старой Руссе, Тихвину и др. Как было показано А. Н. Старицыным, старообрядцы жили на месте Петербурга еще до его основания. Русские оккупированных Швецией приневских земель дольше, чем жители Московского государства, сохраняли дораскольный обряд, поскольку до 1685 г. шведское правительство не пускало к ним русских архиереев [4, с. 13]. За «свейский рубеж» массово бежали новгородские «раскольники». Посетивший в 1685 г. Ниеншанц русский агент нашел там беглого попа дониконовского поставления [4, с. 10]. Возвращение приневских земель в состав России в ходе Северной войны привело к притоку «раскольников» из внутренних губерний: розыск 1720-х гг. обнаружил их даже в вотчинах А. Д. Меншикова [13, с. 3].

Справедливости ради нужно отметить, что в начале XVIII столетия между старообрядцами и властью не существовало непреодолимой преграды, а московская старина постоянно давала рецидив даже у непосредственных сподвижников Петра I. Так, например, «крестный поп» князя А. Д. Меншикова Никифор Лебедка оказался криптостарообрядцем [14, с. 26], а императрица Анна Иоанновна при появлении выговцев при дворе восклицала, по свидетельству старообрядческого историка И. Филиппова, «Наши зде!» [15, с. 236] (ее мать, царица Прасковья Федоровна, действительно была хорошо знакома с А. Денисовым, с которым встречалась в Москве и в ходе поездок на Марциальные воды) и т. д.

Вопрос времени появления старообрядцев в Петербурге вызывал споры уже у первых исследователей XIX в. Так, по Н. В. Варадинову, старообрядцы присутствовали в Петербурге с момента основания, причем Охта и Рыбацкое были полностью старообрядческими [16, с. 397]. Протоиерей М. Ф. Архангельский оппо-

нировал, что изначально в Петербурге старообрядцев не было, что они проникали туда постепенно, но при этом сам же показал, что первая семья беглопоповцев была обнаружена в Петербурге в 1718 г., из чего делал вывод: первыми старообрядцами в столице были поповцы [13, с. 1, 4–5], **что в целом спорно: как показал Г. В. Есипов, один из разысканных в ходе уголовного дела о беглых солдатах федосеевцев переселился в Петербург с семьей еще в 1714 г., причем стал федосеевцем именно в Петербурге [14, с. 96].** Протоиерей В. В. Нильский, ссылаясь на неясный рукописный источник, именуемый им «Раскольнический летописец», прямо фиксирует дату основания федосеевской моленной, известную позднее, с 1760-х гг., как «Косцова»: «В царствующем С.-Петербурге устроися молеельня древле-православных христиан, именуемая Косцова, в лето 7231 (1723 г.)» [17, с. 3]. Деревянная федосеевская моленная, перешедшая позднее купцу Филиппу Фомичу Косцову (1737–1804), **располагалась в районе Апраксиной улицы и, по мнению М. Ф. Архангельского, уже существовала в 1760 г. [13, с. 47].** М. А. Землянский приводит ту же цитату из «Раскольничьего летописца», приписываемую им П. Любопытному, но уже без упоминания Косцова, предполагая, что речь шла о часовне на Малой Охте или о моленной купца Парикова [18, с. 291] на берегу Невы (ныне Синопская набережная).

Но гораздо вероятнее, что еще раньше в Петербурге появились бывавшие там по торговым делам и экстерриториальные по указу А. Д. Меншикова от 12 мая 1711 г. выговцы [19, с. 71]. В этой связи следует сказать несколько слов о роли Выга в старообрядческой традиции Петербурга: Выг XVIII — **первой трети XIX в. был не только уникальной, признанной властями и не имевшей аналогов в России теократической республикой («государством в государстве», по выражению Н. В. Поньрко [20, с. 104]) со значительным «суземком» и хозяйственными интересами от Поволжья до Арктики, но одновременно и настоящим заповедником («Китеж-градом») Древней Руси для продолжателей древнерусской традиции и в то же время точкой сборки новой оригинальной старообрядческой традиции, испытавшей влияние барочной культуры и эпохи Просвещения.** Относительная близость такого легального духовного центра к Петербургу позволяла поддерживать с ним прочные связи старообрядцам, проживавшим в городе, направлять туда молодежь для обуче-

ния грамоте, крюковому пению, книгописанию, традиционным ремеслам, иконописи. Туда же, на Выг, переселялись под старость пожилые петербургские старообрядцы-поморцы. Можно с уверенностью говорить, что первые десятилетия своего существования петербургское старообрядчество укрывалось «под сенью» могучего Выга, черпая из него свою собственную духовность и легитимность.

В Петербурге, где, по сообщению В. Ф. Миловидова, располагалась торговая контора выговцев [21, с. 24] (к сожалению, указаний относительно ее местонахождения автор не дал), бывали не только их работники, приказчики и стряпчие, но и сам настоятель обители [8, с. 132]. Среди гостеприимцев, у кого останавливались выговцы в Петербурге, выделяется Алексей Семенов Копнин [9, с. 80]. Переехавший в Петербург в 1715 г. и проживавший в собственном доме на Большой Никольской (ныне Зверинской) улице на Городовом (Петроградском) острове А. С. Копнин перепродавал «выговский» хлеб [14, с. 418], а его брат занимался старообрядческой пропагандой [14, с. 379–380]. В случае натурной локализации двора Копниных (с помощью археологических методов, например) можно было бы говорить о первом поддающемся реконструкции месте памяти старообрядчества в Петербурге, однако даже в случае археологических изысканий при отсутствии прямых указаний к местонахождению бывшего двора Копниных, его идентификация представляется маловероятной удачей с учетом того, насколько радикально изменилась топография современного Петроградского острова по сравнению с первоначальной, мазанково-деревянной застройкой петровского времени.

Представляет интерес вопрос, у кого в Петербурге останавливался дьякон Александр Керженский, прибывший в 1720 г. в Петербург для подачи прошения Петру I и чья миссия окончилась катастрофой: он был арестован и позднее казнен. В процессе дознания власти в первую очередь интересовались его контактами в Петербурге. Петр I давал такие инструкции: «Диакона пытать, к кому он приехал и приставал и кого здесь знает своего мнения потаенных» [22, с. 559]. Вероятно, за розыском последовал разгром беглопоповщины в Петербурге. Остается неясным, мог ли с учетом доброжелательных отношений керженских бе-

глопоповцев с поморцами в петровское время дьякон Александр остановиться в Петербурге у выговских гостеприимцев.

Если дьякон Александр был казнен в Нижнем Новгороде, то другие «раскольники», чьи дела велись в Петербурге, содержались в петербургском остроге и подвергались экзекуциям там же, а хоронились на Охте [23, с. 3], свидетелями чего были охтяне. Как можно предположить, обыватели симпатизировали мученикам за веру. О симпатиях простого люда Петербурга можно судить по следующей детали.

Как известно, в петровской России запрещалось строительство часовен. Однако охтяне, несмотря на запреты, продали свою часовню (1730) обитателям Московской ямской слободы [24, с. 13]. В этом примере «народного» православия уже можно увидеть тенденцию, соответствующую «раскольничьим» симпатиям охтян и ямщиков. Та же тенденция прослеживается в отклоненном в 1743 г. прошении купцов, проживавших в районе Сенной площади, построить за свой счет деревянную церковь по Садовой улице [25, с. 267].

Вероятно, подобные инициативы «снизу» казались Синоду и императорскому двору подозрительными, и небезосновательно, учитывая обстоятельства, раскрывшиеся в 1745 г. в имевшем резонанс деле «раскольника» Я. Сергеева, из которого можно почерпнуть ряд важных сведений о подпольном периоде истории петербургских старообрядцев. Яков Сергеев, сирота-финн, был воспитан православным и интересовался старой верой. Шанс познакомиться с выговцами представился ему у стоянки выгорецких барок на Выборгской стороне [13, с. 17]. Теща Я. Сергеева, опасаясь ухода зятя в скиты, донесла на него сторожам Сампсониевской церкви. В результате он был вынужден отречься от старообрядчества, но, несмотря на это, посещал Выг и Москву, где знакомился с федосеевцами, не встречавшимися ему в Петербурге. Там он участвовал в совместных молениях «по-старому» [13, с. 20], что, вероятно, было невозможно в Петербурге рубежа 1730–1740-х гг. **Во время елизаветинской ревизии** (1745) он пытался «записаться в раскол», был доставлен в Синод, где указал на проживавших по всему Петербургу тайных «раскольников»-торговцев и даже ратмана Афанасия Дорофеева [13, с. 26]. Из всех выданных Я. Сергеевым раскольников «записными» оказалось всего несколько человек. В ходе новых

разбирательств Я. Сергеев вторично отрекся от старой веры и взял обязательство поиска «раскольников», чем навлек на себя гнев корпорации торговцев во главе с купцом Игнатием Гуттуевым, доведших его до того, что он показал «слово и дело государево», т. е. скрылся от толпы в пыточных Тайной канцелярии. Оттуда Я. Сергеев подал жалобу в Синод. Новое расследование показало: все показанные им «раскольники» были примерными православными. Дело было спущено магистратом на тормозах, однако в нем, как в капле воды, отразилось разительное изменение общественного мнения по отношению к старообрядцам за 10 лет: если в 1730-х гг. с ними было опасно заводить знакомство, то в конце 1740-х гг. они сами имели возможность чинить расправу над своими оппонентами [13, с. 26, 33, 47].

По сути, всё, что мы знаем о старообрядчестве первой пол. XVIII в., почерпнуто из архивных дел. Они дают представление только об общих тенденциях в умонастроениях, о том, что общественное мнение торгово-ремесленного Петербурга той эпохи симпатизировало старообрядцам и что реальные масштабы распространения старообрядчества в этой «подпольной» фазе его существования в Петербурге не были осознаваемы ни властями, ни современниками. Но говорить о какой-либо живой памяти о том периоде не приходится, что подтверждается следующими примерами.

Так, протоиерей А. Журавлев, бывший федосеевец, пишет, что «доселе за 40 лет [т. е. за 40 лет до 1778 г., а значит — в 1738 г.] в Петербурге Федосиан не более 7 или 8 человек было» [26, с. 27]. Ему вторит П. Любопытный в своем «Хронологическом ядре староверской церкви»: «1750. По замечанию достоверных и знающих мужей открыто доподлинно, что в Питере до настоящего времени находилось староверства или благочестивых не более 12-ти человек, и те из черни»¹. Но, как мы знаем из вышеуказанных фактов, реальное число старообрядцев, обнаруженных в Петербурге в рамках одного только дела Сергеева, значительно превышало оценку П. Любопытного, причем эти старообрядцы были далеко не чернью, а состоятель-

¹ Любопытный П. Хронологическое ядро староверческой церкви, объясняющее все отличные их деяния с 1650 и по 1814 год. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004960678/?ysclid=mocbt5pn71664785878 (дата обращения: 16.04.2026). Разворот 208.

ными буржуа. Иными словами, к концу XVIII — началу XIX в. петербургские старообрядцы хранили уже смутную память о своей истории в первой половине XVIII столетия, и эта память, по видимому, имела не много топографических привязок (за исключением, возможно, могил старообрядческих мучеников на Малой Охте).

Таким образом, первая половина XVIII в. в истории петербургского старообрядчества скрыта от нас и, хотя и подлежит реконструкции, уже не связана с современным старообрядчеством живой традицией. Можно консолидироваться с мыслью Е. А. Каменевой: «Мнение, будто старообрядцы из разных губерний появились в Петербурге только около 1760 г., ошибочно» [3, с. 76], однако все персонажи первой половины XVIII в., которых мы знаем лишь преимущественно по именам и приблизительным указаниям места жительства (например, купца Афанасия Дорофеева, жившего своим двором на берегу Малой Невки [14, с. 26]), выступают в связанных с ними нарративах лишь как тени реальных личностей в полном соответствии с концепцией П. Нора: они принадлежат нарративной истории и без нее в памяти уже не существуют.

Первым петербургским старообрядцем, рельефно выступающим из тумана истории, первой личностью, память которого уже можно попробовать проследить в топографических веках культурного пространства Петербурга, является принадлежащий эпохе царствования Елизаветы, Петра III и Екатерины II «прелестник раскола» [13, с. 29] купец Игнатий Гуттуев — тот самый, под руководством которого торговцы третировали несчастного Якова Сергеева.

Игнатий Гуттуев — представитель уже имевшего в XVIII в. славу защитников древлеправославия рода олонецких карелов Гуттуевых (Гуттоевых) [27, с. 35], который, по сообщению олонецкого краеведа А. В. Понуровского, входил в число первых 60 семей, заселивших новостроенный город-крепость Олонец в 1670-х гг.¹ Помимо наиболее частотной формы написания фамилии «Гуттуевы» встречаются (и даже порой в одном и том же ис-

¹ Понуровский А. В. Олонец купеческий // Электронный портал Олонецкой централизованной библиотечной системы. URL: <https://biblioteka-olon.karelia.ru/kraevedenie/alango-olons-olonets/site74?ysclid=mo7iohufkx939069974> (дата обращения: 21.04.2026).

точнике) альтернативные варианты: Гуттоевы/Гутоевы, Гутуевы, Хуттуевы, что, вероятно, объясняется неустоявшейся в то время нормой образования карельских фамилий и затруднениями, связанными с необходимостью передачи средствами русского языка карельского прозвища *Huttunen* [28, с. 141], от которого она образована, с характерным для карельского языка начальным фрикативным звуком [ɣ] и свойственной прибалтийско-финским языкам геминатой [tt].

Как можно предположить, в Олонецкую Карелию Гуттуевы попали в первой половине XVII в. как беженцы из оккупированной Швецией карельской области Саволахти, где, по письменным источникам, первое употребление их фамилии датируется 1541 г. [28, с. 141] и откуда фамилия *Huttunen* распространилась по всей Восточной Финляндии¹ и даже снова попала в Россию вместе с вошедшими в состав ингерманландских финнов карелами-савакот (примером является заслуженный художник РФ А. И. Хуттунен²). Семейное древо Гуттуевых / Хуттунен еще только предстоит построить, однако не вызывает сомнений, что именно старшему родственнику Игнатия Гуттуева (возможно, дяде или двоюродному деду по отцовской линии) Александру Гуттоеву как олонецкому мученику за старую веру посвящена целая глава в мартирологе «Виноград российский» одного из основателей Выголексинского общежития С. Денисова³. Другой представитель рода, Мартин Григорьевич Гуттоев, «счетчик денежной казны» из Олонца, упомянут выговским историком И. Филипповым как свидетель чудесного явления покойного киноархара Выговской обители Андрея Денисова

¹ Paikkala S. *Itäsuomalaisien sukunimiensynty: Huttusten sukuseuran 10-vuotisuhlassa Savonlinnassa 5.8.2006 pidettyjuhlaesitelmä*. URL: <https://bin.yhdistysavain.fi/1596413/5Yj5dQuQzAprgWkuDQCR0V7OWw/IT%C3%84SUOMALAISTEN%20SUKUNIMIEN%20SYNTY.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).

² Ушел из жизни Арви Иванович Хуттунен — заслуженный художник России // Электронный портал Министерства культуры Мурманской области. URL: <https://culture.gov-murman.ru/info/news/374186/?ysclid=mo9s640pt984871438> (дата обращения: 22.04.2026).

³ Денисов С. Виноград российский. Рукопись: [Б. м.], втор. пол. XVIII в. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006607796/?ysclid=mf0vkgh995893168804 (дата обращения: 10.04.2026). Разворот 166.

[15, с. 225]. По сообщению петербургского краеведа Л. И. Бройтман, отчество Игнатия Гуттуева было Мартынович [29, с. 205], что означает, что Игнатий мог быть сыном М. Г. Гуттоева. В таком случае, личность Игнатия Гуттуева приобретает новые черты — он оказывается потомственным старовером, стоящим у самых корней формирования поморской старообрядческой традиции. Карелы Гуттуевы — пример того, что старая вера — феномен далеко не только русской культуры.

И. М. Гуттуев переселился из Олонца в Петербург, где продолжил торговлю, в 1730-х гг. По газетным объявлениям мы знаем, что он сдавал в наем дома, в том числе свой дом в Спасском переулке у Сенной площади [30]. М. А. Землянский характеризует его как вождя поморцев, успешного купца, имевшего склады на «лоцманских» островах Невы [31, с. 311]. По-видимому, его дом был местом собрания симпатизировавших старой вере торговцев.

Лояльность Выгу совмещалась у И. М. Гуттуева с духовными поисками: он хранил «Соловецкое причастие» (запасные святыне дары, заготовленные соловецкими иноками в условиях восьмилетней осады Соловецкого монастыря царскими войсками) и, оставаясь беспоповцем, сочувствовал поповщине [31, с. 311]. П. И. Мельников пишет, что в доме И. Гуттуева в Спасском переулке в 1756 г. негласно открылась первая беглопоповская моленная в городе, причем называет Гуттуева богатым из петербургских поповцев [32, с. 6].

В правление Елизаветы моление в беглопоповской молельной, располагавшейся в доме Гуттуева, было тайным, но с царствования Петра III начало отправляться публично [31, с. 311]. Резонно предположить, что если дом потомственного поморца Игнатия Гуттуева приютил у себя беглопоповскую молельную, то поморская моленная должна была располагаться в этом доме, что называется, «по умолчанию». Тут важно упомянуть, что первая половина XVIII столетия — **время, когда дивергенция между беспоповским и поповским направлениями в старообрядческом движении еще не выкристаллизовалась**. Так, например, хорошо известно, какую важную роль в написании поповских «Диаконовых ответов» сыграл настоятель Выголексинского общежития А. Денисов [33, с. 517].

Судя по газетным объявлениям, Игнатий Гуттуев был жив, как минимум, до конца 1770-х гг. [34, с. 8]. Можно предположить, что в правление Екатерины II он передал содержание моленной родным. Возможно, в этот момент, а возможно еще раньше, она перестала быть общей для поморцев и поповцев: по сообщению петербургского обер-полицмейстера, поморская моленная была основана в 1774 г. в доме Лариона Гуттуева в Конном переулке у Сенной площади¹. Кем приходился Ларион Гуттуев Игнатию Гуттуеву с точки зрения родственных связей, нам, к сожалению, не известно. Л. Гуттуев приобрел дом, в котором разместилась моленная, в 1761 г.² Локализовать его затруднительно, но, учитывая близость Конного переулка (ныне переулок Гривцова) к Спасскому переулку, можно предположить, что дома Игнатия и Лариона Гуттуевых находились по соседству или даже что это был один и тот же участок (дом). В историко-топографических записках протоиерея С. С. Топальского дому Лариона Гуттуева и его сына Ивана дается такая локализация: «в Спасской улице 2-й Адмиралтейской части, № 885 [или 385, неразборчиво:]»³. Альтернативной локацией моленной может быть часть двора подлекаря Василия Арефьева, выкупленная «Игнатием Мартыновым, сыном Гуттуевым» в 1752 г. и проданная им некому Ивану Мурзину в 1756 г., которая впоследствии была объединена с соседними участками, и на которой позднее было возведено большое здание, объединившее под своей крышей несколько строений от предыдущих эпох, известное ныне как дом Дурышкина (Гороховая улица, 41) [29, с. 205]. Задний двор участка дома Дурышкина напрямую соединяется с двором дома по Спасской улице (Спасский переулок, 12), поэтому теоретически можно предположить, что флигель в общем дворе обоих домов мог считаться относящимся скорее к Спасской улице, чем к Гороховой.

В 1784 г. дом Л. Гуттуева был продан⁴, а общественная поморская моленная перешла в 1786 г. на участок купца Ивана Фектистовича Долгова (1734–1799) между рекой Фонтанкой и

¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 204. Д. 971. Л. 4 об.

² РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 750. Л. 102.

³ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 750. Л. 102.

⁴ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 750. Л. 102.

Моховой улицей¹ [11, с. 109]. Доказательством перехода моленной от Гуттуевых к Долгову служит анахронистическое упоминание моленной «...у купца Долгова — на Спасской улице», содержащееся в «Сборнике правительственных сведений о раскольниках» В. И. Кельсиева [35, с. 145]. Другим доказательством является статья «Азбучного указателя имен русских деятелей для русского биографического словаря», посвященная сыну Лариона Конону Гуттуеву (1739–1793), владевшему сахарным заводом с садом и оранжерей на Матисовом острове, выкупленным позднее за долги князем Г. А. Потемкиным [36, р. 490]: он назван основателем федосеевской (вероятно, ошибка — поморской) моленной на Моховой [37, с. 181], хотя к этому скорее причастен другой сын Лариона, Иван Гуттуев (1736–1787?), после продажи дома которым (1784)² моленная и была, по-видимому, перенесена в дом И. Ф. Долгова («моленная Долгова»). Таким образом, к концу XVIII столетия Гуттуевы постепенно сходят с исторической сцены, однако память о них жива до сих пор: она увековечена в названии одного из тех самых «лоцманских» — Гуттуевского — острова в дельте Невы.

Новый содержатель поморской моленной И. Ф. Долгов сначала разместил ее во флигеле своей усадьбы на Фонтанке, где, по ряду источников, частная моленная существовала с 1767 (1768) г.³, а с 1794 г. — во флигеле нового каменного дома с фасадом на Моховую улицу (Моховая, 39) [11, с. 110]. В 1822 г. этот дом, завещанный И. Ф. Долговым Выголексинскому общежителю, был перестроен, превратившись в богатейшую Знаменскую моленную Петербурга⁴, память о которой сохраняется сразу двумя современными Знаменскими церквями Невской общины Древлеправославной церкви (ДЦП): в Рыбацком (Караваевская улица, дом 16) и на Тверской улице (Тверская улица, дом 8).

В свою очередь, беглопоповская ветка истории моленной Гуттуева продолжилась, по сообщению П. И. Мельникова, в моленной Родиона Захарова в Апраксином переулке и деревянной моленной в Волковом поле [32, с. 7], из которых, в свою очередь,

¹ РГИА. Ф. 1284. О. 204. Д. 971. Л. 4 об.

² РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 750. Л. 102.

³ РГИА. Ф. 980. Оп. 1. Д. 1. Л. 132.

⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 204. Д. 971. Л. 1.

через итерацию Королёвской моленной беглопоповцев (Социалистическая улица, дом 11 [38, с. 58]) и Сретенскую церковь единоверцев (набережная реки Волковки, дом 7) проистекают современные поповские общины Русской православной старообрядческой церкви (РПСЦ) и ныне здравствующая единоверческая община при бывшей Николькой единоверческой церкви РПЦ (Музей Арктики и Антарктики: улица Марата, дом 24А) Санкт-Петербурга.

Заключение. Таким образом, среди представителей многочисленного рода Гуттуевых, память о котором сохраняется в самой топонимике Петербурга (Гуттуевский остров), выделяется фигура купца Игнатия Мартыновича Гуттуева, вклад которого в формирование современного «Петербурга старообрядческого» трудно переоценить: моленная в его доме положила начало всем трем (поморской, поповской и единоверческой) старообрядческим традициям в Петербурге. В сюжете, связанном с Гуттуевыми, совместились сразу несколько планов: прибалтийско-финский (карельский) и северорусский, старообрядческо-поморский и старообрядческо-беглопоповский, купеческий и т. п. «Дом Гуттуева» — одно из древнейших реконструируемых и поддающихся на данный момент локализации старообрядческих мест памяти в культурном пространстве Петербурга, носящее к тому же уникальный общестарообрядческий характер. «Квадратом поиска» для точной локализации дома Гуттуева является квартал, образуемый современными Спасским переулком (Гороховой улицей), переулком Гривцова, Сенной площадью и набережной канала Грибоедова. Выявление и верификация местоположения древнейших памятных локусов русского старообрядчества с составлением их своего рода антологии и очерчиванием круга связанных с ними лиц и культурных феноменов — первый шаг к идентификации трудноуловимого старообрядческого вклада в культуру раннего Петербурга. Среди других потенциальных «кандидатов» на продолжение исследований в области поиска топографических форм мест памяти петербургского старообрядчества в Петербурге первой половины XVIII столетия — дом Копниных на Зверинской улице, могилы старообрядческих мучеников на Малой Охте, моленная Парикова на Синопской набережной, местонахождение торговой

конторы выговцев и тайной моленной федосеевцев, последняя квартира дьякона Александра Керженского в Петербурге и т. д.

Список источников

1. Иконникова С. Н. История культурологических теорий. СПб.: Питер, 2005. 473 с.
2. Копылова С. Д. Старообрядцы Петербурга // Первые открытые слушания «Института Петербурга»: Ежегодная конференция по проблемам петербурговедения, 15–16 января 1994 г. С. 1–4.
3. Каменева Е. А. Петербургские старообрядцы в XVIII — первой половине XIX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 287 с.
4. Старицын А. Н. Шведские староверы // Старообрядчество: история, культура, современность : материалы конф., 11–13 ноября 2014 г. М.: 2014. Т. I. С. 5–16.
5. Кожурин К. Я. Из истории федосеевского согласия в Петербурге // Старообрядчество: история и современность : материалы международной научно-практической конф., 28–30 октября 2008 г. М., 2009. С. 13–17.
6. Кожурин К. Я. **Староверы-поморцы Санкт-Петербурга // Этноконфессиональная карта Ленинградской области и сопредельных территорий. Вторые Шёгреневские чтения.** СПб.: Европейский дом, 2008. С. 138–154.
7. Шкаровский М. В. Петербургские старообрядцы, не имеющие священства, в 1720-х — 1941 гг. // Христианское чтение. 2021. № 2. С. 228–251.
8. Юхименко Е. М. Выговская старообрядческая пустынь: духовная жизнь и литература. М.: Языки славянской культуры, 2002. Т. I. 544 с.
9. Пигин А. В. Петр I и Петербург в сочинениях писателей-старообрядцев Выговской поморской пустыни // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 77–84.
10. Пивоварова Н. В. Памятники церковной старины в Петербурге-Петрограде-Ленинграде. Из истории формирования музейных коллекций: 1850–1930-е годы. М.: БуксМАрт, 2014. 432 с.
11. Пивоварова Н. В. Пиккиева моленная в Петербурге: страницы истории // Старообрядчество: история, культура, современность : материалы конф., 13–15 ноября 2007 г. М.: 2007. Т. 1. С. 109–115.
12. Пьер Нора и др. Франция-память / Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб.: Университетская книга, 1999. 325 с.
13. Архангельский М. Ф. Из истории раскола в Санкт-Петербурге. СПб.: Тип. духовн. журн. «Странник», 1870. 47 с.
14. Есипов Г. В. Раскольничьи дела XVIII столетия : в 2 т. СПб.: Общественная польза, 1861. Т. 1. 656 с.
15. История Выговской старообрядческой пустыни: изд. по рукописи И. Филиппова. СПб.: Тип. Д. Е. Кожанчикова, 1862. XIV, 480, V с.
16. Варадинов Н. В. История министерства внутренних дел. Книга восьмая, доп. История распоряжений по расколу. СПб.: Тип. МВД, 1862. 656 с.

17. Нильский В. В. Раскол в Петербурге. Псков: Славянская тип., 1877. 68 с.

18. Землянский М. А. Петербургские староверы // Странник. 1898. Т. 1. С. 294–300.

19. Елизарков Н. А. Выговские староверы, традиционное судоходство и судостроение Беломорско-Онежского бассейна // Труды Кольского научного центра РАН. 2020. № 1–18. С. 55–76.

20. Поньрко Н. В. Эстетические традиции писателей выговской литературной школы // Книжные центры Древней Руси. XVII век: Разные аспекты исследования. СПб.: [б.и.], 1994. С. 104–112.

21. Миловидов В. Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем. М.: Мысль, 1969. 112 с.

22. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Книга VIII. 1703 — начало 20-х годов XVIII века. М.: Изд. соц.-эконом. литературы, 1962. Книга VIII (Т. 15–16). 677 с.

23. Малоохтенское старообрядческое кладбище // Петербургский листок. 1882. № 165.

24. Историко-статистические сведения о С.-Петербургской епархии. Вып. 6. Санкт-Петербург: Синодальная тип., 1878. VI, 480 с.

25. Пыляев М. И. Старый Петербург: рассказы из былой жизни столицы. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1889. 498 с.

26. Журавлев А. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем, церкви Сошествия Святаго Духа, что на Большой Охте, протоиереем Андреем Иоанновым, в четырех частях, с 12 литографированными картинками. 5-е изд. СПб.: Тип. В. А. Терскова, 1855. Ч. II. 74 с.

27. Фишман О. М. Жизнь по вере: тихвинские карелы-старообрядцы. М.: Индрик, 2003. 407 с.

28. Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 672 с.

29. Бройтман Л. И. Гороховая улица. СПб.: Крига, 2010. 424 с.

30. Санкт-Петербургские ведомости от 30 июня 1769 г.

31. Землянский М. А. Петербургские староверы // Странник. 1898. Т. 2. С. 310–337.

32. Мельников П. И. Исторические очерки поповщины // Русский вестник. 1866. Т. 65. С. 5–54.

33. Бубнов Н. Ю., Юхименко Е. М. Дьяконовы ответы // Православная энциклопедия. Т. XVI. М.: Православная энциклопедия, 2007. С. 516–518.

34. Санкт-Петербургские ведомости от 4 февраля 1771 г.

35. Сборник правительственных сведений о раскольниках / сост. В. Кельсиев. Лондон: Trübner&Co., PaternosterRow, E. C., 1862. Вып. 4. 353 с.

36. Tooke W. View of the Russian Empire during the Reign of Catherine the Second, and to the Close of the Present Century. London, T.N. Longman & O. Rees, Paternoster Row, and J. Debrett, Piccadilly, 1799. Vol. III. XV, 716 p.

37. Конон Ларионович Гуттуев // Сборник Императорского Русского исторического общества : азбучный указатель имен русских деятелей для русского библиографического словаря. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1887. Ч. 1. 512 с.

38. Петранкин В. В. Реконструкция «места памяти»: Королевская старообрядческая моленная // Вестник СПбГИК. 2023. № 2 (55). С. 54–59.

References

1. Ikonnikova S. N. *Istoriya kulturologicheskikh teoriy* [History of Culturological Theories]. St. Petersburg: Piter, 2005. 473 p. (In Russ.)

2. Kopylova S. D. St. Petersburg Old Believers. *Pervye otkrytye slushaniya "Instituta Peterburga". Ezhegodnaya konferentsiya po problemam peterburgovedeniya, 15–16 yanvarya 1994 g.* [First Open Hearings of the 'Petersburg Institute'. Yearly Conference on the Issues of St. Petersburg Lore, Held on 15–16 January 1994. Pp. 1–4. (In Russ.)

3. Kameneva E. A. *Peterburgskie staroobryadtsi v XVIII — pervoy polovine XIX veka* [St. Petersburg Old Believers in the 18th-first half of the 19th Century]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ. House, 2013. 287 p. (In Russ.)

4. Staritsyn A. N. Swedish Old Believers. *Staroobryadchestvo: istoriya, kultura, sovremennost. Materialy konf., 11–13 noyabrya 2014* [Old Belief: History Culture, Modernity. Proceedings of Conference Held on Nov. 11–13, 2014]. Vol. I. Moscow: 2014. Pp. 5–16. (In Russ.)

5. Kozhurin K. Y. On the History of Fedoseevtsi Sect in St. Petersburg. *Staroobryadchestvo: istoriya i sovremennost' : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konf., 28–30 oktyabrya 2008 g.* [Old Belief: History and Modernity : proceedings of the International Scientific and Practical Conference, October 28–30, 2008]. Moscow, 2009. Pp. 13–17. (In Russ.)

6. Kozhurin K. Y. Pomortsi Old Believers of St. Petersburg. *Etnokonfessionalnaya karta Leningradskoy oblasti i sopredelnykh territorii. Vtorye Shyogrenovskie chteniya* [Ethnoconfessional Map of Leningrad Oblast and Adjacent Areas. The Second Shyogren Readings]. St. Petersburg: EvropeyskiyDom Publ. House, 2008. Pp. 138–154. (In Russ.)

7. Shkarovskiy M. V. St. Petersburg Priestless Old Believers in 1720–1941. *Khristianskoe chteniye* [Peasant Readings]. 2021. No 2. Pp. 228–251. (In Russ.)

8. Yukhimenko E. M. *Vygovskaya staroobryadcheskaya pustyn: dukhovnaya zhizn i literature* [Vygovskaya Old Believer Hermitage: Spiritual Life and Literature]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury: 2002. Vol. I. Pp. 431–434. (In Russ.)

9. Pigin A. V. Peter I and St. Petersburg in the Writings of Old Believer Writers from Vyg Pomortsi Monastery. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Proceedings of Petrozavodsk State University]. 2019. No 6 (183). Pp. 77–84. (In Russ.)

10. Pivovarova N. V. *Pamyatniki tserkovnoy stariny v Peterburge-Petrograde-Leningrade. Iz istorii formirovaniya muzeynykh kollektsiy: 1850–1930-e gody* [Monuments of Church Antiquity in St. Petersburg, Petrograd, Leningrad. On the History of Forming Museum Collections: 1850s–1930s]. Moscow: BuksMArt, 2014. 432 p. (In Russ.)

11. Pivovarova N. V. *Pikkiev Prayer House in St. Petersburg: Pages of History. Staroobryadchestvo: istoriya, kultura, sovremennost : materialy konf., 13–15 noyabrya 2007 g.* [Old Belief: History Culture, Modernity : proceedings of Conference Held on Nov. 13–15, 2007]. Moscow: 2007. Vol. 1. Pp. 109–115. (In Russ.)

12. *Frantsiya-pamyat* [France-Memory]. St. Petersburg State University; Pierre Nora et al. St. Petersburg: University Book Publ. House, 1999. 325 p. (In Russ.)

13. Arkhangel'skiy M. F. *Iz istorii raskola v Sankt-Peterburge* [On the History of Raskol in St. Petersburg]. St. Petersburg: Strannik Print. House, 1870. 47 p. (In Russ.)

14. Esipov G. V. *Raskolnichyi dela XVIII stoletiya : v 2 t.* [Schismatic Files of the 18th Century in 2 Vol.]. Sankt-Peterburg: Obshchestvennaya Polza Print. House, 1861. Vol. 1. 656 p. (In Russ.)

15. *Istoriya Vygovskoy staroobryadcheskoy pustyni: izd. po rukopisi I. Filip-pova* [History of Vyg Old Believer Monastery, Published from a Manuscript by I. Filippov]. St. Petersburg: D. E. Kozhanchikov Print. House, 1862. XIV, 480, Vs. (In Russ.)

16. Varadinov N. V. *Istoriya ministerstva vnutrennikh del. Vosmaya, dopolnen-nayakniga. Istoriya rasporyazheniy po raskolu* [History of the Ministry of Interiors. The 8th Book with Addenda. History of Decrees on Raskol]. Sankt-Peterburg: MVD Print. House, 1862. 656 p. (In Russ.)

17. Nil'skiy V. V. *Raskol v Peterburge* [Raskol in St. Petersburg]. Pskov: Slavy-anskaya Print. House, 1877. 68 p. (In Russ.)

18. Zemlyansky M. A. St. Petersburg Old Believers. *Strannik* [Wanderer]. 1898. Vol. 1. Pp. 294–300. (In Russ.)

19. Elizarkov N. A. Vyg Old Believers, Traditional Shipping and Shipbuilding in White Sea-Onega Bassin. *Trudy Kolskogo nauchnogo tsentra RAN* [Russian Academy of Science Kola Scientific Center]. 2020. Vol. 1–18. Pp. 55–76. (In Russ.)

20. Ponyrko N. V. *Esthetic Traditions of the Writers of Vyg Literary School. Knizhnye tsentry Drevney Rusi. XVII vek: Raznye aspekty issledovaniya* [Book Traditions of the Ancient Rus. The 17th Century: Various Aspects of Research]. St. Petersburg: [S.n.], 1994. Pp. 104–112. (In Russ.)

21. Milovidov V. F. *Staroobryadchestvo v proshlom I nastoyashchem* [Old Belief in the Past and Now]. Moscow: Mysl Publ. House, 1969. 112 p. (In Russ.)

22. Solovyev S. M. *Istoriya Rossii s drevneyshikh vremen. 1703 — nachalo 20-kh godov XVIII veka* [History of Russia from the Ancient Times. 1703 — beginning of the 1720s]. Moscow: Social.-Econom. Literaturny Publ. House, 1962. Kniga VIII (Vol. 15–16). 677 p. (In Russ.)

23. Malaya Okhta Old Believer Cemetery. *Peterburgskiy listok* [Petersburg leaflet]. 1882. No 165. (In Russ.)

24. *Istoriko-statisticheskie svedeniya o S.-Peterburgskoy eparkhii* [Historical & Statistical Data on St. Petersburg Eparch]. Sankt-Peterburg: SinodPrint. House, 1878. VI, 480 p. (In Russ.)

25. Pylyayev M. I. *Staryy Peterburg: rasskazy iz byloy zhizni stolitsi* [Old St. Petersburg: stories from the ancient life]. St. Petersburg: A. S. Suvorin Print. House, 1889. 498 p. (In Russ.)

26. Zhuravlev A. *Polnoe istoricheskoe izvestie o drevnikh strigolnikakh i novykh raskolnikakh, tak nazyvaemykh staroobryadtsakh, sobrannoe iz potaennykh staroobryadcheskikh predaniy, zapisok i pisem, tserkvi Soshestviya Svyatago Dukha, chto na Bolshoy Okhte, protoiereem Andreem Ioannovym: v chetyrekh chastyakh: s 12-yu litografirovannymi kartinkami. 5-e izd.* [Full Historical Notice on the Ancient Strigolniks and Modern Raskolniks, So Called Old Believers, Collected from Clandestine Old Believer Legends, Notes and Letters, [Composed] by Bolshaya Okhta St. Spirit Ascension Church Protopresbyter Andrey Ioannov, in 4 parts, with 12 lithographed pictures. 5th ed.]. St-Petersburg: V. A. Terskov Print. House, 1855. Ch. II. 74 p. (In Russ.)

27. Fishman O. M. *Zhizn po vere: tikhvinskie karely-staroobryadtsi* [Life on Faith: Tikhvin Old Believer Karelians]. Moscow: Indrik, 2003. 407 p. (In Russ.)

28. Kyurshunova I. A. *Slovar nekalendarnykh lichnykh imen, prozvisch i familnykh prozvanii Severo-Zapadnoy Rusi XV-XVII vv.* [Dictionary of Non-Calendar Personal Names, Nick Names and Family Names of North-West Russia in the 15th–17th Centuries]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publ. House, 2010. 672 p. (In Russ.)

29. Broytman L. I. *Gorokhovaya Ulitsa* [Gorokhovaya Street]. St. Petersburg: Kriga Publ., 2010. 424 p. (In Russ.)

30. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [Sankt-Peterburgskie Vedomosti]. 30 July. 1769. (In Russ.)

31. Zemlyansky M. A. St. Petersburg Old Believers. *Strannik* [Wanderer]. 1898. Vol. 2. Pp. 310–337. (In Russ.)

32. Melnikov P. I. Historical Essays on Popovshchina. *Russkiy vestnik* [Russian Herald]. 1866. Vol. 65. Pp. 5–54. (In Russ.)

33. Bubnov N. Y., Yukhimenko E. M. Deacon's Responses. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow: Pravoslavnyaya Entsiklopediya Publ. House, 2007. Vol. XVI. Pp. 516–518. (In Russ.)

34. *Sankt-Peterburgskie vedomosti* [Sankt-Peterburgskie Vedomosti]. 4 February 1771. (In Russ.)

35. *Sbornik pravitelstvennykh svedeniy o raskolnikakh* [Collection of Government Information on Raskolniks]. Compiled by V. Kelsiev. London: Trübner & Co., Paternoster Row, E.C., 1862. Issue 4. 353 p. (In Russ.)

36. Tooke W. *View of the Russian Empire during the Reign of Catherine the Second, and to the Close of the Present Century*. London, T. N. Longman & O. Rees, Paternoster Row, and J. Debrett, Piccadilly, 1799. Vol. III. XV, 716 p.

37. Konon Larionovich Guttuev. *Sbornik Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva : azbuchnyj ukazatel' imen russkikh deyatelej dlya russkogo bibliograficheskogo slovary* [Collection of the Imperial Russian Historical Society: Alphabetical Index of Russian Personalities for the Russian Bibliographic Dictionary.]. St. Petersburg: Imperial Academy of Science Publ. House, 1887. Part 1. 512 p. (In Russ.)

38. Petrankin V. V. Reconstructing a Site of Memory: Korolev Old Believers' Prayer House. *Vestnik SPbGIK* [Bulletin of St. Petersburg State Institute of Culture]. 2023. No 2 (55). Pp. 54–59. (In Russ.)

Сведения об авторе

Петранкин Владимир Владимирович, аспирант кафедры теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры (Россия, 191186, Санкт-Петербург, Миллионная, 1)

Information about author

Vladimir V. Petrankin, Postgraduate student of the Department of Theory and History of Culture, St. Petersburg State Institute of Culture (1, Millionnaya St., St. Petersburg, 191186, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 12.03.2026
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 04.05.2026
Принята к публикации / Accepted for publication 06.05.2026

Научная статья / Article

УДК 792.01

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-3-138>

Российский театр и западная постдрама: онтологическая несовместимость театральных систем

Юрий Валентинович Фёдоров

Крымский университет культуры, искусств и туризма,
Симферополь, Россия

fedorov_juriy@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-0425-8860>

Аннотация. В статье предпринимается попытка философско-теоретического анализа онтологических оснований российского те-